

Г.В. Жуков

**СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ ПОЭТА
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИГОРЕ-СЕВЕРЯНИНЕ
(Публикация, предисловие и примечания Н.Т. Батуриной)**

В 1992 году Алла Евгеньевна Жукова передала Череповецкому музейному объединению воспоминания своего мужа, Георгия Викторовича Жукова (1905-1988) — «Счастливые дни поэта» — о пребывании Игоря-Северянина в усадьбе Владимировка Нелазской волости Череповецкого уезда.

Автор «Счастливых дней» — двоюродный племянник И-Северянина, сын оперных певцов Виктора Александровича Жукова (1879-19?) и Натальи Ефимовны Журовой, урожденной Фесенко (1884-1928). Г.В. Жуков — известный киновед, автор нескольких книг и более ста статей и брошюр по киноискусству.

События, описываемые в воспоминаниях, относятся к 1915-1917 годам. В эти годы Георгий жил с бабушкой Е.П. Журовой во Владимировке, в доме, подаренном бабушке хозяином усадьбы, ее родным братом Михаилом Петровичем Лотаревым. В памяти Георгия отчетливо запечатлелось пребывание в усадьбе «дяди Игоря», которого он горячо любил.

Воспоминания представляют безусловный интерес как ценный биографический источник. Они примечательны тем, что являются, пожалуй, единственным свидетельством современника поэта, позволяющим увидеть Игоря-Северянина в период его наивысшей популярности без маски гения и эстетствующего «грезэра», естественным, простым, каким он был в общении с близкими, с детьми, с крестьянами.

В «Счастливых днях поэта», написанных спустя 70 лет после отображенных в них событий, имеются некоторые фактические неточности. На них указано в примечаниях.

Игорь Лотарев любил проводить свободное время в далекой северной стороне близ станции Суда, где у Михаила Петровича Лотарева, дяди поэта, было небольшое имение, купленное им на сбережения, сделанные за тридцать лет службы главным инженером текстильной фабрики в Серпухове¹. Имение было расположено на берегу реки Суды, рядом с деревней Владимировкой, окружено сосновыми лесами.

Сестра Михаила Петровича Елизавета Петровна по приезде из Москвы поселилась с внуком (автором этих строк) во Владимировке, отвергнув приглашение брата. Причиной тому была осмотрительная осторожность: в качестве учителя внука ее сопровождал скрывающийся от полиции революционер Щеглов, студент технологического института.

Щеглов и Игорь Лотарев были почти неразлучны. Они оказались интересны и нужны друг другу. Нашли в углу сарая испорченный лодочный мотор, починили его и спустили лодку на воду. Ясным летним днем решили совершить путешествие к фабрике генерала Глуховского. Игоря притягивала дурная слава, таинственность этого «проклятого» места, которое внушало людям страх. Его старались обходить. Среди местных жителей бытовала такая история.

...Генерал жил в Петербурге. Все фабричные дела вел управляющий, которого за безжалостность прозвали «сатаной». Из рабочих он выжимал все жизненные соки. Содержал лавочку, куда все были должны. Кабалу терпели, пока вконец распоясавшийся управляющий не урезал получку наполовину. Стихийно возник бунт. Рабочие молотами разбили все машины и покинули фабрику. Управляющего нашли в конторе висющим в веревочной петле. Сам он покончил с собой или это было дело бунтовщиков — осталось неизвестным.

...Лодка плыла, преодолевая быстрое течение. Сквозь прозрачную воду было видно каменное дно, стаи рыб в зарослях водорослей. От здания фабрики с разбитыми окнами веяло забвением и печалью. Все кругом заросло кустами и крапивой. Горы опилок приобрели от времени отталкивающий багровый оттенок.

Щеглов и Игорь, сидя на пеньках, долго молча глядели на мрачное здание. Потом Игорь достал тетрадь и, безмолвно шевеля губами, стал быстро писать в ней, заполняя страницу за страницей. Неоконченное стихотворение называлось «Призрак».

— У поэта должны быть народные корни, питающие его вдохновение. Здесь мне является моя муза, — говорил Игорь Щеглову.

Усадьба М.П. Лотарева. Владимировка: большой усадебный дом (ныне литературный музей). 1900-е годы.

Целыми днями, а иногда сутками пропадал он в лесу, куда отправлялся со старым охотником Семеном Папичем Ястребовым.² Этот невысокий широкоплечий человек с небольшой седой бородой, монгольским разрезом глаз с подпухшими веками и задумчивым взглядом обладал сверхчеловеческой силой. Не всякий мужчина мог выдержать его рукопожатие без гримасы. В молодости он ходил на медведя с рогатиной. С ружьем охотился только на медведей-стервятников, не трогая безобидных зверей-овсянников. О Семене Папиче рассказывали, что он прятал в лесном шалаше бежавшего каторжника. Урядник, подозревая охотника в том, что ему известно местопребывание человека, разыскиваемого полицией, предлагал ему денежную награду за содействие властям. Но тот только усмехался в бороду и твердил: «Ищите сами, кого вам надо, я свое дело делаю, а вы свое делайте!»

Игорь говорил, что окружение царя Петра состояло из таких умных и непоколебимых людей, как Семен Папич. Благодаря им, Петр смог осуществить свои замыслы и заслужить прозвище «великий».

— О нем я напишу поэму, это образ русского человека, — сказал Игорь. — Он излучает поэтический свет.

Однажды Игорь сказал, что едет в село Боровое и берет меня с собой. Там обитал слепой гуслир Марушка. Игорю не терпелось послушать его сказы. Гуслир оказался дома, отдыхая после длительного странствия по деревням. Хозяйка угостила нас щами и овсяными блинами с солеными рыжиками. Марушка, перебирая струны гуслей, не то пел, не то протяжно говорил, понижая и повышая голос.

Игорь сосредоточенно записывал сказ, не пропуская ни единого слова. Я слушал рассеянно. Мне нравилась музыка речи Марушки, содержание воспринималось, не задерживаясь в памяти в целом. Запомнились только отдельные строфы, например, задели меня за живое слова:

И тогда, на первый раз,
Поведут его в приказ...
А в приказе — то кнутом:
Не зови отца плутом,
Зови батюшкой!...

Когда в разговоре с кем-либо Игорь встречал специфическое местное слово, он записывал его значение в красную книжечку. Получалось нечто вроде словарика. Для меня же такие слова, как баской — красивый, летось — прошлым летом, осенесь — прошлой осенью, куморотый — некрасивый, были известны, так как часто употреблялись в разговорной речи.

В каждой избе, где в семье была девушка, по очереди устраивались беседы-посиделки. Девушки приносили с собой прялки и кудели, располагались на лавках вдоль стен. Тянули нитку и пели. Парни приходили с конфетами и пряниками в карманах. Хозяйка выставляла на стол кадушечку с квасом и ковшик. Игорь Лотарев участвовал в этих посиделках, записывал народные песни. Читал вслух сказки Пушкина и произведения других авторов.

Владельцы бумажной фабрики Мустафины³ прислали однажды гонца с приглашением Игорю Лотареву — оказать им честь посещением. В тарантас с особыми рессорами были запряжены лучшие лошади Мустафиных рысистой породы. Встречал Игоря шестнадцатилетний Федя Мустафин, студент Московского университета, с большим букетом оранжерейных цветов. В гостиной собралось много празднично разодетых мужчин и дам. Хозяйка — мать Феде — представила поэта гостям, назвав его кумиром современной молодежи.

В доме Мустафиных Игорь Васильевич предстал в совсем ином облике. Лицо его изменила надменная улыбка, приподнятые брови, близорукий прищур глаз. Он декламировал свои стихи чужим для близких ему людей голосом, напевно, чуть покачиваясь, выделяя ударные слова.

«Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен!...»

Каждое стихотворение из сборника «Ананасы в шампанском» сопровождалось рукоплесканиями и выкриками «браво!»

По возвращении он сказал сыну Михаила Петровича Николаю:

– Теперь, думаю, Мустафины не вырубят ваш лесной участок, который получили в залог денежного займа на покупку ржи и овса. Хозяйка мне обещала...

Когда Игорь выразил желание поехать верхом на железнодорожную станцию за почтой, ему посоветовали взять смирную кобылку Ласточку, но он настоял, чтобы ему оседлали Мечту, лошадь своенравную, нервную и впечатлительную. Мечта была стройна, красива, шла размашистой рысью. Игорь не мог преодолеть соблазна блеснуть, порисоваться, проезжая через Владимировку и перед людьми на станции, на такой великолепной лошади.

Из восьми верст пути от станции до Владимировки полторы версты дорога шла вдоль железнодорожного полотна. Незадолго до поворота в лес, обгоняя всадника, оглашая окрестности пронзительными свистками, мчался поезд. Мечта, прядя ушами, стала приседать, потом рванулась вперед, выбрыкивая и дергаясь корпусом, помчалась по лесной дороге. Сразу после поворота ей удалось сбросить неопытного седока. Игорь свалился на придорожные кусты. Придя в себя, он попробовал двигать руками и ногами. Руки – ничего, а правое колено болело. Хромая, стараясь превозмочь боль, Игорь двинулся, рассчитывая хоть до ночи добраться до дома. Сначала он утешал себя надеждой, что Мечта остановится и будет ждать его на дороге. Вскоре он убедился в противном: лошадь намерена скакать без остановки до самой конюшни. Через каждые две-три сотни шагов Игорь садился отдыхать и массировать ногу.

На одной из стоянок его догнала телега. Вороным конем, запряженным в нее, правила девушка, повязанная синим платочком. Узнав Игоря, она позвала его ехать с ней. На охапке сена совсем мало трясло, ноге было спокойно. Завязался разговор. Выслушав историю злоключений молодого человека, девушка, назвавшаяся Анкой, рассказала ему о себе и своих не совсем обычных обстоятельствах. К ней посватался парень, с которым она дружила в детстве. Но дружба одно, а муж – другое. Иван еле слышал, с трудом, почти совсем непонятно говорил. Родные против. Да и ее одолевают сомнения. Доктор в Череповце утверждал, что после трехмесячного лечения у Ивана, возможно, исправятся речь и слух. Но где взять деньги на такое длительное пребывание у врача...

– Иван найдет меня в доме Лотаревых, – сказал Игорь. – завтра утром мне так и так придется ехать в Череповец со своей ногой. Вот и отправимся вместе. Веселее будет.

Во Владимировке гордились двумя красавицами – Анкой черной и Анкой белой. У брюнетки было смуглое лицо, темные, бездонные глаза, безукоризненный профиль, яркие губы и обворожительная улыбка. Анка-блондинка обладала двумя тяжелыми, ниже пояса, косами, мягким овалом лица, чуть вздернутым носиком, зелено-голубыми глазами, румянцем во всю щеку, пышной, но гибкой фигурой.

Игорь запечатлел на белом листе теневой профиль каждой из подруг, потом нарисовал их акварельные портреты.

За курс лечения Ивана, прошедший с успехом, Игорь уплатил сполна. Когда парень, почувствовавший себя счастливым человеком, предложил высылать свой долг частями в Петербург, Игорь заметил, что это его свадебный подарок Анке и что ему достаточно одного поэзовечера для восполнения расхода.

Посреди Владимировки, на небольшой площади, главенствующее положение занимала лавка, где можно было купить все необходимое. У дороги лежала куча толстых бревен, неизвестно когда и кем сложенная. Вечерами здесь собирались мужчины обсудить дела и потолковать о семейных отношениях, ведь многие в деревне были в родстве: все жители носили одну из трех фамилий – Глазуновых, Ястребовых и Молодцовых⁴. Старики рассаживались на нижнем бревне, те, кто помоложе, – на верхнем. Игорь часто пристраивался с Семеном Папичем. Вмешивался в разговоры только тогда, когда к нему обращались. Он пользовался здесь полным доверием и уважением. А шло это в значительной мере от деревенских ребят, буквально обожавших Игоря. Со старшими он сдружился на полянке, где они играли в бабки и городки. Игорь наловчился метко выбивать из «городка» чурки, но завистников

не имел. Несколько человек могли одним ударом выбить целую фигуру, например, «пушку» или «ворота». Такой виртуозности Игорю достигнуть не удавалось.

С младшими отношения были более разносторонними. Кроме совместных прогулок в лес за черникой, брусникой и грибами, Игорь показывал ребятам новые способы рыбной ловли. Он резко осуждал традиционные ночные выезды на лодках с факелом на носу для охоты на рыбу с острогой. Подражая взрослым, дети бродили по мелким местам речки Кемзы⁵, поднимали лежащие на дне камни и ударяли вилкой прятавшихся под ними маленьких выюнов и пескарей. Игорь привез с собой коробку разных крючков и катушку лески. Помог детям смастерить удочки. В глубоком омуте под плотиной⁶ водилось много рыб разных пород. Больше всего окуней, карпов и шук. Здесь у ребят и Игоря получался хороший улов. Любимцу Игоря – Пальке-цыгану удалось однажды вытащить аршинную щуку⁷.

Радостным событием для детей было состязание стрелков из лука, организованное Игорем. Победители получили призы – книги Аксакова, Гоголя и Сегюр-Растопчиной. Остальные участники были одарены купленными в деревенской лавке разноцветными леденцами – палками. Каждую из них можно было сосать весь вечер.

Любимым развлечением поэта стали прогулки по лежащему рядом с деревней озеру.⁸ Ему доставляло наслаждение освоенное с большим трудом управление легкой лодкой-душегубкой, сделанной из цельного дерева. Лодка эта очень валкая, грести на ней нужно одним веслом, стоя на манер венецианских гондольеров.

...Свадьба Анки белой с Иваном проходила со всеми церемониями, необходимыми по давнему обычаю. Игорь был в числе почетных гостей. Пел, плясал и веселился. Произнес торжественный тост в стихах в честь молодых. А утром очнулся у себя в постели. Выяснилось, что его принес домой на руках Семен Папич. Когда впоследствии разговор коснулся этого случая, охотник хитро улыбнулся и сказал:

– Наши старухи варят такую мухоморную брагу, что и быка свалит. На что я привычен, но тогда и сам осовел, два дня рассолом отпаивался.

На «файфоклоке», как называл Игорь свой вечер в доме Лотаревых, поэт прочел сочиненную им в честь Екатерины Михайловны⁹ – хозяйки дома – балладу «Кунигунда и ее верный рыцарь Вилье Журе». В образе средневекового менестреля поэт исполнил балладу, где в качестве действующих лиц были выведены родные и знакомые. (Под именем Вилье Журе поэт изобразил Виктора Александровича Журова, отца автора этих воспоминаний, которого он очень ценил и любил). В стиле модерн прозвучало подобное заклинанию стихотворение «Отрекись, отойди от меня!».

Жена Николая Лотарева¹⁰ – Инна Михайловна имела чрезвычайно многочисленную родню. Ее девичья фамилия была Потапова. Неожиданно для хозяев к ним нагрянуло огромное количество гостей – Потаповых и их знакомых. В столовой пришлось сдвинуть несколько столов. С этим гала-наездом совпал день рождения хозяйки.

Один из присутствующих за столом сокрушенно заметил: «В Белозерском уезде стихийное бедствие – много ржи на полях полегло». В тишине образовавшейся паузы раздался мой голос:

– А настоящее стихийное бедствие, как сказал дядя Игорь, нашествие Потаповых.

Вспоминать о том, что произошло дальше, нет у меня никакого желания. Так со своей недопустимой привычкой вмешиваться в разговор взрослых я невольно подвел очень симпатичного мне, тонко чувствующего и самолюбивого человека.

Прошли годы. Неблагоприятное стечение личных обстоятельств побудило Игоря Лотарева жить вдали от родных мест.

Когда же вопрос о возвращении Игоря Васильевича на Родину был решен положительно, поэт обрел потерянный смысл существования.

В этот период пришло к нему обновленное чувство творческого подъема. Из-под его пера вышли стихи, посвященные родному Отечеству, они пронизаны счастьем быть рядом со своим народом.

Однако мечте поэта не суждено было сбыться: началась Великая Отечественная война.

Примечания

1. Согласно преданию, сохранившемуся в семье Лотаревых, усадьба Владимировка была построена на деньги, полученные М.П. Лотаревым в качестве неустойки от владельцев Акционерного общества бумажных мануфактур Карла Шейблера (г. Лодзь), у которых М.П. Лотарев служил с 1892 по 1896 годы.
2. Семен Папич имел фамилию Самунин, а не Ястребов. Он был управляющим усадьбы Владимировка.
3. Правильно: Мостофины (а не Мустафины).
4. По словам Р.И. Спириной, правнучки С.П. Самунина, во Владимировке в то время преобладали следующие фамилии: Аверьяновы, Глазуновы, Самунины и Ястребовы, а Молодцовых была всего одна семья..
5. Река Кемза – приток Суды. Усадьба М.П. Лотарева была построена в устье Кемзы при впадении ее в Суду.
6. В усадьбе М.П. Лотарева на реке Кемзе была мельничная плотина.
7. Аршин – мера длины, равная 71,14 см.
8. Вероятно, Г.В. Журов пишет об озере Удёбном.
9. Хозяйку дома (жену М.П. Лотарева) звали Екатерина Николаевна.
10. Николай Михайлович Лотарев (1887-1937) – сын М.П. Лотарева.